

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 34, Is. 6, pp. 178–185, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-34-6-178-185
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

The Sutra of the Wise and the Fool: Another Look at the Plots (Evidence from the Oirat Manuscript Translation of The Sea of Parables by Thog-med bka'-bcu)

Delyash N. Muzraeva¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Head of Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: deliash@mail.ru

Abstract. The article examines an Oirat translation of *The Sea of Parables* (Oir. *Oülgurin dalai*) by Thog-med bka'-bcu (O.M. Dordzhiev). The literary text is a most interesting source of plots from the Tibetan *Sutra of the Wise and the Fool* representing realia of ancient India. The written source was compiled in the early 1960s under the conditions of total state-imposed atheization and distortions of cultural and related confessional histories. It is unique for being one of the last known Oirat Buddhist translations performed by the Volga Kalmyks in the last third of the 20th century. This and similar compositions once included in the canonical *Kangyur* aimed to preserve, disseminate widely, and transmit the Buddhist teachings and Buddhist worldview to the contemporary Buddhist community comprising the laity, novices, and those interested in Buddhism.

The literary text is virtually an anthology of diverse, separate legends, tales, fables, and stories, with both just one plot or containing two and even more chapters that, thus, comprise a respective number of separate stories (plots). At the same time, some plotlines are concise enough, without any details. The Buddha himself acts as the narrator of the successively connected stories where the characters come to see the Buddha, watch him, and share their impressions resulting from what they witnessed. Thus, on the one hand, the stories are shown as real life events, and, on the other hand, they depict phenomena where the founder of the religion manifests himself as a supernatural being.

The paper deals with stories where characters describe the Buddha and their encounters with him (Chapter 41 *About Householder Jami Shinjir*, Chapter 39 *About a Householder Named Yugbajan*, Chapter 35 *About King Migjid*, etc.).

It is especially noteworthy that the *Sutra* contains stories depicting episodes from lives of characters that resemble the story of Buddha's life before he attained Enlightenment, i.e. when he was known as Prince Siddhārtha Gautama. This is especially topical in the context that – according to Tibetologist B. Kuznetsov – the Buddhist tradition had largely questioned the first stage of Buddha's life namely. Stories of the kind are those described in Chapter 33 *About Prince Gedun*, Chapter 30 *About Jimbi Chingbi Who Sailed Away* (a Brahmin's son).

Plots and motifs of separate chapters of the *Sutra* display the interest of the Kalmyks towards the traditional Buddhist plots which can be traced up till nowadays. The translation of the *Sutra of the Wise and the Fool* by Thog-med bka'-bcu together with other survived old Buddhist translated texts once preserved by Kalmyk monks (Tib. *dge-long*) in the form of manuscripts testify of the

uninterrupted literary tradition of the Kalmyk Buddhism up to the 21st century, and a significant interest towards Buddhist works among present-day Kalmyks.

Keywords: Buddhism, canonical literature, *The Sutra of the Wise and the Fool*, plots, Oirat

Письменное наследие калмыцких буддийских священнослужителей еще недостаточно освещено в востоковедной литературе. Памятники на тибетском, монгольском и ойратском языках, в том числе из состава их личных библиотек, ныне хранятся в разных книгохранилищах востоковедных центров России и зарубежья, а также в многочисленных частных собраниях. Поэтому особую актуальность приобретают сегодня такие направления работы, как описание этих коллекций, их каталогизация, исследование, перевод и издание образцов памятников буддийской литературы, которые сосредоточены в этих коллекциях. Эти письменные памятники остаются для современных буддологов и исследователей буддийской литературы ценнейшим источником изучения буддийской составляющей калмыцкой культуры, в особенности на поздних этапах бытования традиции.

В коллекции письменных источников КалмНЦ РАН представлен целый ряд собраний известных калмыцких гелюнов, в том числе личная библиотека хорошо известного в Калмыкии буддийского священнослужителя Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева) (1887–1980), поступившая в дар КНИИИФЭ (в настоящее время — КалмНЦ РАН) уже после кончины священнослужителя. Эти материалы составляют Фонд 15 (Фонд О. М. Дорджиева), наиболее обширную коллекцию буддийских книг. В другой коллекции редких рукописей, составляющих Фонд–8, сосредоточены письменные памятники, включая фотокопии и современные издания, поступившие от других священнослужителей, их родственников, а также от ученых, общественных деятелей и представителей административных органов Калмыкии. Примечательно, что в этом фонде имеются письменные источники, подаренные КалмНЦ РАН О. М. Дорджиевым ранее, начиная с 1960-х гг. Среди них следует упомянуть ксилографическое издание «Сутры о мудрости и глупости» на тибетском языке [Dzan. 2], а также рукопись ойратского перевода тибетской сутры, выполненного Тугмюд-гавджи в 1960-е гг. [OD]. Еще один ксилограф на тибетском языке [Dzan. 1] имеется в Фонде 15.

Описание тематики и состава книг из собрания КалмНЦ РАН, включая и коллекцию Тугмюд-гавджи, было отражено в ряде публикаций [Чуматов 1983; Орлова 2002; Музраева 2001, 2003, 2006]. История сложения коллекции гелюнга, страницы его жизни освещены в публикациях ученых, писателей, воспоминаниях родственников и людей, хорошо знавших его [Убушаев 2008; Балакаев 2008; Музраева 2012; Дорджиева 2014: 87–88].

Несомненным раритетом коллекции восточных книг, хранящихся в Научном архиве КалмНЦ РАН, является ойратский перевод тибетской «Сутры о мудрости и глупости», выполненный Тугмюд-гавджи. Этот письменный источник уникален тем, что представляет собой один из последних известных нам переводов буддийского сочинения на ойратский язык из числа тех, которые предпринимались калмыками Поволжья в середине и последней трети XX в. Сложно сказать, как сложилась бы судьба этого труда Тугмюд-гавджи в конце 1960-х гг. и в следующие несколько десятилетий, когда официальной политикой государства была установка на атеизацию страны и искажение культурной истории народов в конфессиональной сфере. Процесс возрождения буддийской традиции у калмыков и других народов России, начавшийся в конце 1980-х – начале 1990-х гг., способствовал активному распространению буддийского учения среди верующих, в том числе благодаря изданию литературы, связанной с буддизмом [История буддизма ... 2011: 68–105].

Обращение к столь известному памятнику буддийской литературы заслуживает внимания исследователей с различных позиций. Нас в этом памятнике привлекает то, что он является образцом перевода канонического сочинения из состава Ганджура, в котором в популярной форме излагаются основополагающие моменты буддийского учения. Основное предназначение этого и подобных произведений — сохранение, популяризация и трансляция буддийского вероучения, буддийского мировидения в современную среду верующих, послушников и интересующихся буддизмом.

«Море притч» в переводе калмыцкого гелюнга Тугмюд-гавджи представляет собой интереснейший источник изучения сюжетов тибетской «Сутры о мудрости и глупости», воспроизводящей древнеиндийские реалии. Предварительный анализ содержания этого сочинения позволяет говорить о нем как о «своего рода антологии разрозненных, отдельных легенд, преданий, притч сказок и историй, состоящих как из одного единственного сюжета, так и из более пространных глав-историй, включающих в себя две и более отдельных историй (сюжетов, сцен). При этом отдельные сюжетные линии представлены довольно кратко, без детализации» [Музраева 2016: 42]. Главным рассказчиком этих историй, объединенных в одно композиционное целое, выступает сам Будда. Не случайно известный тибетолог Б. И. Кузнецов, задавшись целью показать, что нового могут добавить тибетские источники к биографии основателя буддизма, называет «Сутру о мудрости и глупости» одним из таких источников. Как отмечает тибетолог, «предполагалось, что Будда рассказывает о своих прошлых перерождениях, то есть что когда-то, сотни или тысячи лет назад, он был таким-то лицом, с которым произошла удивительная история» [Кузнецов 2002: 26]. Истории, в которых персонажи сами приходят на встречу с Буддой, наблюдают за ним и пересказывают свои впечатления от того, что они наблюдали, с одной стороны, представляются описаниями вполне реальных событий, с другой — в них описываются явления, в которых основатель учения предстает лицом сверхъестественным.

Интересно отметить, как сами персонажи историй рассказывают о Будде. Так, царь Салджал (Прасенаджит), главный персонаж «Главы 41-й о домохозяине Джами Шинджире» [OD IV: л. 2486–2516], на вопрос домохозяина Данджилы (Данцилы): «Кто такой *Будда*?» — отвечает так: «Неужели ты не слышал? В городе Серджен сын царя Ариун Идээтэй (Шуддходаны), опечалившись оттого, что [увидел] старость, болезни и смерти, удалился наилучшим образом (т. е. стал монахом). Благодаря тому, что стремился к просветлению, воистину стал явным Буддой. Преисполненный тридцатью двумя признаками, а также разнообразными примерами, [он] совершает чудесные превращения. Его заслугам и знаниям, даже если будешь искать примеры, воистину не

найдешь» [OD IV: л. 250a] (Здесь и далее перевод на русский язык наш. — Д. М.). Проникшись этими словами царя, домохозяин отправляется туда, где находится Будда: «Когда стал наблюдать за сиятельным Буддой, увидел, что он намного превосходит всех царей, обрадовался, склонив голову, поздоровался и сел» [OD IV: л. 250b]. Благодаря наставлениям Будды, Данджил пробудил благочестивые мысли и решил вступить в монашество. Когда Будда высказал тому свое одобрение и как только произнес: «Явился наилучшим образом», — так сразу волосы и усы сами собой исчезли, и тот домохозяин стал гелюнгом, а по прошествии времени смог достичь наивысшего уровня духовного развития — состояния архата.

Не менее чудесным образом заканчивается история брахмана из «Главы 39-й о домохозяине по имени Югбаджан» [OD IV: л. 2386–243a]. В ней повествуется о том, как бедный брахман оказался под гнетом домашних и хозяйственных проблем, о которых постоянно думал и пытался найти ответ на главный свой вопрос: «Как будет лучше поступить?». Именно в такой из моментов брахман увидел прямо перед собой Будду, восседавшего под деревом в покое и расслабившего все свои конечности. Того брахмана посетили такие мысли: «Гёдом (Гаутама) взрастил великое спокойствие, у него нет скверной жены, [которая бы] бранилась, не досаждают скверные дочери с зятьями, когда наступает время пахоты, нет надобности покупать вола, воистину не [испытывает] страданий» [OD IV: л. 239a]. Когда Будда мысленно понял, о чем думает брахман, и словами подтвердил, что у него нет никаких пороков, а потому нет нужды браниться со скверной женой, не донимают дочери с зятьями, не приходится страдать, если потеряется взятый взаймы вол и прочее. На предложение Будды, не желает ли он вступить в монашество, брахман, предварительно спросив разрешения у Будды, стал гелюнгом. Благодаря наставлениям Будды он очистился от всей загрязненности мирского существования и стал архатом. Столь сильным и значимым был для брахмана пример Будды.

Еще одно свидетельство того, как проповедовал Будда, представлено в «Главе 35-й о царе Мигджиде» [OD IV: л. 2066–213a]. В ней излагаются события, происходившие в городе Шравасте, куда явился Будда и давал наставления. Горожане, спешившие услы-

шать проповедь Будды, рассказали слепому брахману об этом событии, и тот, будучи знатоком в распознавании разных голосов, предположил, что Будда должен обладать голосом божества Эсруа (Брахмы). «И тогда они повели слепого брахмана, шли-шли и, когда пришли к тому месту, услышав, каким благозвучным голосом проповедует Будда, слепой брахман возрадовался, пробудил благоговение, оба его глаза сами собой прозрели. Увидев Будду золотого цвета, украшенного тридцатью двумя признаками, очень ясного, подобно сиянию солнца, склонил голову к стопам Будды, когда пробудил величайшую радость, Будда преподавал Учение» [OD IV: л. 207a]. В итоге брахман не просто прозрел, стал обладателем физического зрения, но и глазом мудрости. Таким образом, прозревший брахман смог воочию увидеть тридцать два главных телесных признака Будды, в числе которых: золотистый цвет кожи, длинные и тонкие пальцы рук, широкие плечи, знаки колеса (чакры) на ладонях и подошвах и др. Конечно, повествование в процитированных главах не ограничивается только приведенными сюжетами, в них присутствуют и другие эпизоды из прошлых жизней Будды, в которых кроется причина нынешних рассказываемых событий.

Особо следует отметить, что в Сутре имеются также такие истории, в которых отдельные эпизоды из жизни персонажей напоминают житие Будды до момента просветления, в бытность его принцем Гаутамой (Сиддхартхой). Как отмечал Б. И. Кузнецов, заключительный этап биографии этого персонажа, достаточно освещенный в буддийской традиции, не вызывает сомнений у исследователей, вопросы возникали относительно первой половины биографии Будды [Кузнецов 2002: 18]. Традиционная биография основателя буддизма хорошо известна, поэтому мы обратимся к тем сюжетам Сутры, которые в определенной степени повторяют биографию Гаутамы (Сиддхартхи). Речь о двух главах: 30-й и 33-й.

Наиболее близким к биографии Будды представляется начало истории царевича Гедуна из «Главы 33-й о царевиче Гедуне» [OD III: л. 188a–201a]. Из нее мы узнаем, что в семье царя Ринчен Гоча (тиб. *rin chen (=chen) go cha* 'драгоценный панцирь (латы)', ойр. *rengbečö yōča*) представлена история рождения царевича, наделенного признаками, присущими Будде: тело его

было золотого цвета, волосы были иссиня-черными. Специально для него царь возвел по отдельности летний, осенний, зимний и весенний дворцы. Царевич, когда вырос, стал сведущ в шастрах. Однажды царевич сказал родителям, что хотел бы совершить прогулку за пределами дворца, царь и царица «распорядились расчистить дорогу, развесили знаки победы и ленты, посыпали цветы, приготовили курительные палочки и все необходимое для возжигания благовоний, посадили Гедуна верхом на слона, украшенного семью видами драгоценностей, зазвенели колокольчики, забили барабаны, создавая благозвучие, свита в количестве ста тысяч окружила [его], и [так] отправились за пределы города» [OD III: л. 189b]. Жители той страны, наблюдавшие процессию, сравнивали его с величием Эсруа тенгрия (Брахмы). Во время этой прогулки Гедун повстречал нищих, просивших подаяния, расспросил их, узнал, почему те страдают. Затем царевич увидел, как мясники убивают животных, после — земледельцев, возделывающих пашню, а затем встретил охотников и рыбаков. Расспросив их, царевич узнал, что все они выполняют подобную работу из рода в род. Вернувшись во дворец, царевич просит отца выдать из казны всем нуждающимся столько, сколько захотят, и царь-отец исполняет желание сына. Поскольку он не мог пользоваться добротой родителей бесконечно, Гедун отправляется в море добыть драгоценностей и, испытав многочисленные козни со стороны сводного брата, возвращается с драгоценностью чиндамани, дарующей все, что могут пожелать люди.

Сходный сюжет о рождении долгожданного сына содержится и в «Главе 30-й о Джимби Чингби, отправившемся в море» [OD III: л. 164b–180b]. Хотя здесь речь идет не о царской семье, а о брахманской, принадлежавшей высшему из четырех сословий древнеиндийского общества. Отец главного действующего лица этой истории прославился своей мудростью и знаниями, благодаря которым был наставником царя и был очень почитаем, наравне с царем. «Поскольку у него не было сына, он пребывал в постоянной печали и был погружен в свои мысли» [OD III: л. 166b]. Он молился всем божествам, и по прошествии двенадцати лет у его старшей жены родился мальчик, наделенный чудесными признаками: «он был золотого [цвета], с иссиня-черными во-

лосами, был прекрасен внешностью» [OD III: л. 167a]. Его нарекли Джимби Чингби (тиб. *sbyin pa chen po* 'Великое пожертвование'). Примечательно, что мальчика содержали попеременно в летней, зимней, а также осенней и весенней резиденциях. Он обладал добрым характером, был умен, не было ничего, чего бы он не знал, разбирался в священных текстах. Однажды он попросил у родителей разрешения совершить прогулку за пределы дворца. Родители для этого совершили многочисленные приготовления: «повелели расчистить дороги, водрузить знаки победы, засадить цветами, окропить благовонной водой и прочее» [OD III: л. 167a]. В тексте мы находим и описание выезда сына брахмана, который, «сев верхом на большого слона, украшенного семью видами драгоценностей, отправился за пределы города в окружении стотысячной свиты, сопровождаемый звоном колокольчиков, стуком барабанов, звучащей мелодией» [OD III: л. 167a–167b]. Наблюдавшие за процессией горожане невольно стали сравнивать юношу с божеством Эсруа тенгрием (Брахмой). Во время этой прогулки главный персонаж истории Джимби Чингби повстречал нищих, просивших подаяния, расспросил их, почему они так страдают. Те рассказали. Продвигаясь дальше, увидел, как мясники убивают животных, сдирают с них шкуры и режут на куски. Расспросил и их. После этого увидел земледельцев, вспахивавших землю под посеvy, узнал от них, чем они живут. Так же он повстречался с охотниками и рыбаками за их занятиями. В итоге, вернувшись с прогулки, сын брахмана просит у отца разрешения раздать из его сокровищницы всем бедным милостыню и все, что пожелают. Когда сокровищница иссякла, Джимби Чингби отправился в море, добыл драгоценность чиндамани, исполняющую желания, благодаря действию которой все люди Дзамбутиба перестали испытывать нужду и встали на путь десяти добродетелей.

Затронутые в данной статье истории, в которых в той или иной степени упоминается Будда, описываются эпизоды его жизни, в которых присутствуют моменты, очень сближающие историю жизни главных персонажей (царевич Гедун, сын брахмана Джимби Чингби) с биографией создателя учения, свидетельствуют о том, что формировался подобный сборник в условиях одной и той же культурной среды, в одну и

ту же эпоху. В этом плане данное собрание историй может расцениваться как историческое свидетельство и жизни самого создателя вероучения, и в целом жизни общества в Индии в древние времена.

Труд калмыцкого гелюнга является ценным свидетельством сохранения и преемственности буддийского вероучения от старшего поколения последующим. Ему удалось в своем переводе донести до своих современников и последующих поколений калмыков живое слово Будды, ярко и живо отобразить древнеиндийские реалии, дух времени, в котором жил Будда Шакьямуни и его окружение. В своей работе автор-переводчик руководствовался многовековыми традициями монгольских и ойратских переводов канонических сочинений с тибетского языка и на практике сумел воплотить их на столь обширном материале, не отступая от него ни в одном фрагменте текста.

Перевод рукописи Тугмюд-гавджи на русский язык, осуществленный нами практически спустя полвека со времени его создания, надеемся, найдет своих читателей и будет востребован в среде буддистов и буддологов. На наш взгляд, переводчику удалось передать в своем переводе не просто формальную сторону — соответствующее количество глав-историй, объединенных в разделы, роли главных персонажей, основные мысли (идеи) и прочее, но и смог добиться такой же силы и глубины эмоционального воздействия на читателя, какая была присуща тибетскому оригиналу. Но не только на это хотелось бы обратить внимание — в сочинении калмыцкого гелюнга мы не нашли каких-то сокрытых, неясных мест, которые присущи достаточно лаконичному тибетскому тексту. Несмотря на то, что переводчик стремился строго следовать дословному принципу перевода, делает он это так, что текст в той части, которая загружена терминологией и реалиями буддийского учения, становится понятной, узнаваемой для современного читателя, аудитории, во многом утратившей опыт знаний древнеиндийской цивилизации, достижений культуры Индии, транслируемых текстами.

Отдельные главы «Сутры о мудрости и глупости» в переводе Тугмюд-гавджи, как и ее текст в полном виде, представляют нам сюжеты и мотивы классических буддийских сочинений, персонажами которых являются божества буддийского пантеона, прежде всего Будда, и известные фигуры

буддийской религиозной истории. Перевод Тугмюд-гавджи и его история за последние полвека служат свидетельством актуальности содержания сутры для современных калмыков, хранящих традиции религии предков. Сохранение внимания к древней сутре, при утрате громадного большинства иных буддийских сочинений в XX веке, наряду с появлением оригинальных сочинений калмыцких гелюнгов в начале XX века и составлением новых рукописных сборников указывает на сохранение и перспективу поддержания письменной традиции у калмыков в XXI веке. Это, в свою очередь, ставит новые задачи и открывает новые горизонты в исследовании письменной традиции религиозных сочинений у калмыков.

Источники

- Dzan. 1 — *'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* («Сутра о мудрости и глупости»). Ксилограф на тибетском языке. — Научный архив КалмНЦ РАН. ФД-15 (Фонд О. М. Дорджиева). Опись 1. Ед. хр. 20. 293 л.
- Dzan. 2 — *'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* («Сутра о мудрости и глупости»). Ксилограф на тибетском языке. — Научный архив КалмНЦ РАН. Ф-8 (Фонд редких рукописей). Опись 1. Ед. хр. 1. 172 л.
- OD — *Oülgürin dalai* («Море притч»). Рукопись перевода Тугмюд-гавджи на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг»). — Научный архив КалмНЦ РАН. Ф-8 (Фонд редких рукописей). Оп. I. Ед. хр. 2. Тетради 1–4. 289 л.

Литература

- Балакаев А. Г. Түгмд һавж. Бичэчин тодлвр // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 137–145.
- Дорджиева Г. Ш. Репрессированное буддийское духовенство Калмыкии. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. 192 с.
- История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. Элиста: Мин-во образования, культуры и науки РК, 2011. 392 с.
- Кузнецов Б. И. Ранний буддизм и философия индуизма по тибетским источникам. СПб.: Изд. группа «Евразия», 2002. 224 с.
- Музраева Д. Н. Гимны-славословия из тибетской коллекции КИГИ РАН // Российское монголоведение. Бюллетень 5. М.: ИВ РАН, 2001. С. 266–278.
- Музраева Д. Н. О молитвенных текстах *дхарани* (по материалам тибетской коллекции КИГИ

РАН) // Монголоведение № 2. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 46–68.

- Музраева Д. Н. О коллекции буддийской литературы гавджи Тогмед-Очира (Тугмюда Гавджи) (1887–1980) // IX Межд. конгресс монголоведов (Улан-Батор, 8–12 августа 2006 г.). Доклады российских ученых. М.: ООО Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 293–297.
- Музраева Д. Н. Опыт археографического описания и текстологического анализа рукописного перевода Тугмюд-гавджи (на материале VI главы *Oülgürin dalai* «Моря притч») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 3. 2012. С. 167–185.
- Музраева Д. Н. Опыт сюжетного анализа буддийского сочинения «Море притч» (на материале рукописи перевода Тугмюд-гавджи) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №12 (66). Ч. 3. С. 42–45.
- Орлова К. В. Описание монгольских рукописей и ксилографов, хранящихся в фондах Калмыкии // Бюллетень Общества востоковедов. Вып. 5. М.: ИВ РАН, КИГИ РАН, 2002. 85 с.
- Убушаев Н. Н. О Тугмюд-гавджи // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 163–166.
- Чуматов В. О. Старописьменные памятники КНИИ ИФЭ // Монголоведные исследования. Элиста, 1983. С. 116–131.

Sources

- 'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* [The Sutra of the Wise and the Fool. A Tibetan-language woodblock print]. *Nauchnyy arkhiv KalmNTs RAN* [Scientific Archive of the Kalmyk Scient. Center of the RAS]. ФД-15 (Fund of O.M. Dordzhiev). Op. 1. Item 20, 293 p. (In Tib.).
- 'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* [The Sutra of the Wise and the Fool. A Tibetan-language woodblock print]. *Nauchnyy arkhiv KalmNTs RAN* [Scientific Archive of the Kalmyk Scient. Center of the RAS]. Ф-8 (Fund of Rare Manuscripts). Op. 1. Item 1. 172 p. (In Tib.).
- Oülgürin dalai* («*Ülgürin dala*»). *Rukopis' perevoda Tugmyud-gavdzhi na todo bichig* [An Oirat Clear Script manuscript translation by Tügmüd Gavji (Tib. *Thog-med bka'-bcu*)]. *Nauchnyy arkhiv KalmNTs RAN* [Scientific Archive of the Kalmyk Scient. Center of the RAS]. Ф-8 (Fund of Rare Manuscripts). Op. I. Item 2. Writing-books 1 – 4. 289 p. (In Kalm.).

References

- Balakaev A. G. *Tügmü davji. Bichächin todhr* [Memoirs of the writer]. *Buddiyskaya traditsiya v Kalmykii v XX veke: pamyati O. M. Dordzhieva (Tugmyud-gavdzhi). 1887–1980* [The Buddhist tradition in Kalmykia in the 20th century: commemorating O.M. Dordzhiev (Tügmüd Gavji). 1887–1980]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2008, pp. 137–145 (In Russ.).
- Dordzhieva G. Sh. *Repressirovannoe buddiyskoe dukhovenstvo Kalmykii* [The repressed Buddhist clergy of Kalmykia]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2014, 192 p. (In Russ.).
- Istoriya buddizma v SSSR i Rossiyskoy Federatsii v 1985–1999 gg.* [A history of Buddhism in the USSR and Russian federation: 1985–1999]. Elista, Ministry of Education, Culture and Science (Republic of Kalmykia) Press, 2011, 392 p. (In Russ.).
- Kuznetsov B. I. *Ranniy buddizm i filosofiya induizma po tibetskim istochnikam* [Early Buddhism and the philosophy of Hinduism: evidence from Tibetan-language sources]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2002, 224 p. (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *Gimny-slavosloviya iz tibetskoy kolleksii KIGI RAN* [Blessing hymns from the Tibetan collection of the Kalmyk Institute for the Humanities of the RAS]. *Rossiyskoe mongolovedenie* (Russia's Mongol Studies), bulletin 5, Moscow, Institute of Oriental Studies (RAS) Press, 2001, pp. 266–278 (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *O molitvennykh tekstakh dharani (po materialam tibetskoy kolleksii KIGI RAN)* [About dharani prayer texts (evidence from the Tibetan collection ...)]. *Mongolovedenie* (Mongol Studies), No. 2, Elista, Dzhangar Publ., 2003, pp. 46–68 (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *O kolleksii buddiyskoy literatury gavdzhi Togmed-Ochira (Tugmyuda Gavdzhi) (1887–1980)* [About the Buddhist literary collection comp. by Thog-med bka'-bcu (1887–1980)]. *LX Mezhd. kongress mongolovedov (Ulan-Bator, 8–12 avgusta 2006 g.). Doklady rossiyskikh uchenykh* [9th Internat. congress of Mongolists (Ulaanbaatar, 8–12 August 2006). Reports of Russian scholars]. Moscow, KMK Academic Publishing Association Ltd., 2006, pp. 293–297 (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *Opyt arkheograficheskogo opisanija i tekstologicheskogo analiza rukopisnogo perevoda Tugmyud-gavdzhi (na materiale VI glavy Ölögürün dalai «Morya pritch»)* [Experience of archeographical description and textological analysis of the handwritten translation of Thog-med bka'-bcu (on the material of the 6th Chapter of Ölögürün dalai „The Sea of Parables“)]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), No. 3, 2012, pp. 167–185 (In Russ.).
- Muzraeva D. N. *Opyt syuzhetnogo analiza buddiyskogo sochineniya «More pritch» (na materiale rukopisi perevoda Tugmyud-gavdzhi)* [Narrative analysis experience of the Buddhist writing 'The Sea of Parables' (by the material of the manuscript of Tugmyud-Gavdzhi's translation)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]. Tambov, Gramota Publ., 2016, No. 12 (66), part 3, pp. 42–45 (In Russ.).
- Orlova K. V. *Opisanie mongol'skikh rukopisey i ksilografov, khranyashchikhsya v fondakh Kalmykii* [An overview of Mongolian manuscripts and woodblock prints stored in (state-owned) collections of Kalmykia]. *Byulleten' Obshchestva vostokovedov* (Bulletin of the Oriental Society), iss. 5, Moscow, Institute of Oriental Studies (RAS), Kalmyk Inst. for Humanities (RAS) Press, 2002, 85p. (In Russ.).
- Ubushaev N. N. *O Tugmyud-gavdzhi* [Tügmüd Gavji]. *Buddiyskaya traditsiya v Kalmykii v XX veke: pamyati O. M. Dordzhieva (Tugmyud-gavdzhi). 1887–1980* [The Buddhist tradition in Kalmykia in the 20th century: commemorating O.M. Dordzhiev (Tügmüd Gavji). 1887–1980]. Elista, Kalmyk Inst. for Humanities (RAS) Press, 2008, pp. 163–166 (In Russ.).
- Chumatov V. O. *Staropis'mennye pamyatniki KNII IFE* [Texts in classical scripts stored at the Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics]. *Mongolovednye issledovaniya* [Mongol Studies], Elista, 1983, pp. 116–131 (In Russ.).

УДК 811.512.37

**Еще раз о сюжетах «Сутры о мудрости и глупости»
(на материале ойратской рукописи «Море притч» в переводе Тугмюд-гавджи)**Деляш Николаевна Музраева¹

¹ кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: deliash@mail.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает «Море притч» (ойр. *Oülgurin dalai*) в переводе калмыцкого гелюнга Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева). Рукопись представляет собой интереснейший источник изучения сюжетов тибетской «Сутры о мудрости и глупости», воспроизводящей древнеиндийские реалии. Основное предназначение этого и подобных произведений, вошедших в состав канонического свода Ганджур, заключается в сохранении, популяризации и трансляции буддийского вероучения, буддийского мировидения в современную среду верующих, послушников и интересующихся буддизмом. Это сочинение является своего рода антологией разрозненных, отдельных легенд, преданий, притч сказок и историй, состоящих как из одного единственного сюжета, так и из более пространных глав-историй. Главным рассказчиком этих историй, объединенных в одно композиционное целое, выступает сам Будда.

Особо следует отметить, что в Сутре имеются такие истории, в которых отдельные эпизоды из жизни персонажей напоминают историю жизни Будды до момента просветления, в бытность его принцем Гаутамой (Сиддхартхой).

Перевод «Сутры о мудрости и глупости», выполненный Тугмюд-гавджи, вместе с другими старинными буддийскими переводными сочинениями, сохранившимися в рукописных коллекциях калмыцких гелюнгов, указывает на непрерывность литературной традиции калмыцкого буддизма в XXI в. и внимание к буддийским сочинениям у современных калмыков.

Ключевые слова: буддизм, каноническая литература, «Сутра о мудрости и глупости», сюжеты, ойратский перевод, «Море притч», Тугмюд-гавджи